

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

от 17 июля

1981 г.

г. Москва

Поиски и находки

Не только вчитаться, но и «вслушаться» в творческий мир Достоевского — такую необычную задачу поставил перед собой один из крупнейших знатоков его наследия доктор филологических наук А. Гозенпуд.

— «Слуховые впечатления» были чрезвычайно важны для Достоевского, — говорит ученый. — Далеко не всегда он описывает внешность своих героев, но никогда не забывает о голосе. Вы не обращали внимания — мы ведь всегда слышим героев Достоевского. Или вспомните, например, как звенит колокольчик в романе «Идиот» — сначала глухо, а потом звонко, возвещающая о событиях необычайных. Появляется Настасья Филипповна, солистка. А вслед за ней во главе с Рогожиным врывается толпа — как хор, пишет Достоевский. Это типично театральная, я бы сказал, оперная сцена.

— Можно ли найти в композиции произведений Достоевского что-то общее со структурой музыкальных сочинений?

— Да, построение романов Достоевского внутренне музыкально. В этом смысле очень показательны, например, его «Белые ночи». Если проследить, как развиваются там те-

мы, то получится, что это музыкальная сюита. Есть у него и оперы, и сонаты, и симфонии.

— Какие музыкальные впечатления питали Достоевского?

— Мне удалось ввести в биографию писателя около тридцати имен певцов и артистов, уточнить множество концертов и спектаклей, привлекавших его внимание. Оказалось, например, что он не пропустил петербургских концертов Листа. Просто случайное воспоминание в одном из произведений позволило точно установить, что Федор Михайлович был на исполнении симфонии Берлиоза «Ромео и Джульетта», которой дирижировал автор.

«Руслан и Людмила» — одна из любимых опер Достоевского, и всю жизнь писатель был верен любви к Глинке. Вообще Федор Михайлович часто бывал в опере.

— Недавно в Ленинграде создан балет «Идиот» на музыку Шестой симфонии Чайковского. Действительно ли, на ваш

взгляд, эти два гения близки друг другу?

— Внутренняя близость тут несомненна. Недавно я вновь убедился в этом, изучая историю создания оперы «Евгений Онегин». Можете ли вы себе представить Татьяну, которая в последней сцене падает в объятия Онегина? Но именно такую картину увидели зрители, побывавшие в 1879 году на спектакле воспитанников Московской консерватории. Многие указывали Петру Ильичу, что он вступил в противоречие с Пушкиным, однако композитор упорствовал, считая такое окончание более драматичным. И все же год спустя после той премьеры он переработал финал. И переубедил его Достоевский своей знаменитой речью на открытии памятника Пушкину в Москве. Центром этой речи была Татьяна как олицетворение русского национального характера. Писатель страстно доказывал, что она никогда не могла бы изменить своему нравственному долгу, не

**МУЗЫКАЛЬНЫЙ МИР
ДОСТОЕВСКОГО**

изменив своей духовной природе, для нее было невозможно построить счастье на несчастье другого. После этой речи первоначальное окончание оперы было уже невозможно.

— И есть доказательство, что Чайковский прислушался именно к мнению Достоевского?

— Существует письмо Петра Ильича к брату Анатолию, в котором он пишет, что решил изменить конец оперы. Спрашивается, почему? Я запросил архив Чайковского в Клину: не сохранилось ли письмо Анатолия, на которое отвечает композитор? Того письма нет, но есть другое, написанное в ответ на письмо Петра Ильича. Анатолий выражает радость, что финал будет переделан, говоря, что многие возмущались прежним окончанием «Онегина», а особенно сейчас, после речи Достоевского, которая всех потрясла. Точно установлено, что и сам композитор читал эту речь: сохранилась выписка, которую

он сделал из нее для одного из публичных выступлений.

— А кто из советских композиторов, по-вашему, внутренне наиболее близок к Достоевскому?

— Несомненно, Шостакович. За полтора месяца до кончины Дмитрий Дмитриевич подарил мне экземпляр своих песен на тексты из романа «Бесы» — «Четыре стихотворения капитана Лебядкина». Мне посчастливилось несколько раз беседовать с Шостаковичем о Достоевском, его любимом писателе. Опера «Катерина Измайлова» по Лескову заканчивается, как известно, сценой на каторге. Както я поинтересовался, не перечитывал ли Шостакович, когда писал финал, «Записки из мертвого дома» Достоевского. Шостакович сказал: «Конечно».

...Музыка и театр — часть того огромного мира, имя которому — Достоевский. Но даже изучив эту часть, мы глубже проникаем в его творчество. Результаты своих многолетних исследований ученый обобщил в книге «Достоевский и музыкально-театральное искусство», которую готовит к печати издательство «Советский композитор».

О. СЕРДОВОЛЬСКИЙ,
(ТАСС).